УДК 347.965 https://www.npzhdialog.ru/17-2026

Правовая природа адвокатской тайны: абсолютное или относительное право доверителя

Самойлова Дарья Александровна,
магистрант, Вятский государственный университет, dariaalexandrovna668@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы адвокатской тайны и вопросу о том, является ли она абсолютным правом доверителя или допускает установление исключений. Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся в теории и практике неопределенностью данного вопроса, в т. ч. в связи с производством следственных действий в отношении адвокатов и изъятием материалов адвокатских производств. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании законодательства об адвокатской деятельности и в правоприменительной практике.

Ключевые слова: адвокатская тайна, свидетельский иммунитет адвоката, право на защиту, доверитель, конфиденциальность, профессиональная тайна, уголовное судопроизводство.

Право на квалифицированную юридическую помощь, закрепленное ст. 48 Конституции Российской Федерации, реализуется не абстрактно, а через конкретное взаимодействие адвоката с доверителем, основой которого выступает доверие. Как отмечает В. А. Клейменова, адвокатская тайна выступает важнейшей составляющей механизма оказания юридической помощи, а вопросы ее режима и защиты неизменно порождают оживленные дискуссии среди практикующих юристов, ученых и представителей государственной власти [1].

При этом сама правовая природа адвокатской тайны остается дискуссионной, и в основе спора лежат позиции конкретных авторов. В. А. Клейменова выделяет две группы специалистов: первая, к которой она относит В. Ф. Анисимова, Н. С. Манову и В. Ю. Панченко, считает характер адвокатской тайны абсолютным, что исключает возможность ее разглашения даже в минимальном объеме; вторая группа, напротив, допускает и даже считает необходимым разглашение адвокатской тайны в отдельных законодательно установленных случаях. По итогам собственного анализа В. А. Клейменова приходит к выводу: «характер адвокатской тайны должен быть относительным» [1]. Различие в подходах носит не сугубо теоретический характер: от разрешения этого вопроса зависит, какой объем процессуальных гарантий получат адвокат и доверитель при обыске, выемке, осмотре помещений или контроле переговоров.

Актуальность обращения к этой теме усиливается практикой последних лет: следственные действия в отношении адвокатов и изъятие материалов адвокатских производств перестали быть редкостью, а значит, вопрос о пределах адвокатской тайны требует более точного и скрупулезного ответа, чем дает действующая редакция закона. Разобраться в этом вопросе позволяет сочетание нескольких методов: формально-юридический метод применяется при анализе ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Кодекса профессиональной этики адвоката — посредством буквального и системного толкования текста норм; сравнительно-правовой метод используется для сопоставления двух доктринальных позиций, представленных в отечественной науке; системный метод позволяет увидеть место адвокатской тайны среди других гарантий права на защиту и в ряду иных видов профессиональной тайны, а метод анализа судебной практики — раскрыть содержание правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

В ст. 8 Закона об адвокатуре [2] адвокатская тайна определяется предельно широко — как любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи доверителю. Под эту формулировку подпадает не только то, что доверитель сообщил непосредственно, но и все, что адвокат узнал при исполнении своих обязанностей: содержание вырабатываемой правовой позиции, материалы адвокатского производства и даже сам факт обращения за помощью. Н. С. Никифоренко отмечает, что, по сути, адвокатская тайна представляет собой гарантию анонимности отношений, возникающих между адвокатом и доверителем [3]. Для сравнения: врачебная, нотариальная и банковская тайна также относятся к профессиональной тайне, тем не менее закон в отношении большинства таких видов четко указывает, кому и на каком основании соответствующие сведения могут быть переданы государственным органам. При этом круг оснований для передачи сведений, составляющих адвокатскую тайну, заметно ограничен, что и позволяет рассуждать о повышенном уровне ее защиты.

Именно такая усиленная защита и становится причиной главного вопроса: не превращается ли она в абсолютную неприкосновенность? Ответ на данный вопрос дает сам закон. Если бы адвокатская тайна была абсолютной, закон вообще не содержал бы случаев ее правомерного раскрытия. Однако на деле такие случаи есть. Первый — раскрытие сведений с согласия самого доверителя, выраженного в письменной форме. Второй — использование адвокатом сообщенных доверителем сведений в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции по гражданскому спору с доверителем либо

для своей защиты по дисциплинарному или уголовному делу (ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката) [4]; как отмечает Н. С. Никифоренко, именно эта норма Кодекса прямо показывает, что законодательством предусмотрены случаи, когда адвокатская тайна может быть нарушена [3]. Отдельного упоминания заслуживает ст. 450.1 УПК РФ: устанавливая особый порядок обыска и выемки в помещениях, где адвокат ведет свою деятельность, эта норма фактически признает допустимость вмешательства в адвокатскую тайну при соблюдении усложненной процессуальной формы [5]. Само существование перечисленных исключений снимает вопрос об абсолютности: наличие таких исключений свидетельствует о том, что режим адвокатской тайны не является безусловно неограниченным.

Этот же вывод подтверждает правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации. В постановлении от 17 декабря 2015 г. N 33-П, вынесенном по жалобе граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других на неограниченное изъятие адвокатских производств при обыске, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что изъятые в ходе обыска у адвоката документы и предметы, не относящиеся к расследуемому делу, не могут использоваться в качестве доказательств, а сам порядок производства такого обыска должен исключать возможность ознакомления следствия с материалами по делам иных доверителей адвоката [6]. Из данной позиции следует, что адвокатская тайна защищает не адвоката как такового, а доверителя, но абсолютной она при этом не признается: ограничение допускается при условии судебного контроля и специальной процессуальной формы, обеспечивающей защиту сведений, не относящихся к расследуемому делу.

В юридической науке сохраняется дискуссия о характере данного права: одни авторы рассматривают его как безусловное, т. е. действующее в отношении неопределенного круга лиц, другие же исходят из его ограниченного характера, проявляющегося лишь в отношениях между конкретными субъектами. На таком фоне дискуссия о границах абсолютной и относительной природы права выглядит вполне закономерной. В. А. Клейменова в своей недавней работе, посвященной этому вопросу, показывает, что дискуссия строится вокруг конкретных, а не абстрактных позиций. К первой группе она относит В. Ф. Анисимова, Н. С. Манову и В. Ю. Панченко, которые считают характер адвокатской тайны абсолютным, что исключает возможность ее разглашения даже в минимальном объеме или при наличии особых случаев: по их мнению, разглашение адвокатом сведений возможно исключительно с согласия доверителя. Вторая группа ученых, напротив, допускает и даже считает необходимым разглашение адвокатской тайны в отдельных законодательно установленных случаях — прежде всего тогда, когда адвокату становится известно о подготовке к совершению преступления [1].

Сама В. А. Клейменова, взвесив оба подхода, приходит к выводу, что «характер адвокатской тайны должен быть относительным», т. е. должен предусматривать необходимость доведения адвокатом до компетентных органов сведений о готовящемся или совершаемом тяжком преступлении [1]. Эта позиция прямо расходится с подходом В. Ф. Анисимова, Н. С. Мановой и В. Ю. Панченко: там, где они видят угрозу самому институту адвокатуры в любом исключении, В. А. Клейменова признает ограниченный перечень изъятий совместимым с сохранением сущностных гарантий тайны.

Автор настоящей статьи присоединяется к позиции В. А. Клейменовой, однако считает необходимым ее уточнение. Указание на «относительный характер» точно описывает итоговый результат, но не отвечает на вопрос о том, какими именно процессуальными средствами это обеспечивается на практике.

Таким образом, автор предлагает более точную характеристику: адвокатская тайна — квалифицированно-относительное право, при котором относительность выражается в исчерпывающем и не подлежащем произвольному расширению перечне исключений, а квалифицированность — в обязательности дополнительных процессуальных гарантий при каждом таком исключении: судебного решения, специального порядка обыска и запрета использовать сведения, выходящие за рамки расследуемого дела. Вместе с тем ограничиться констатацией относительного характера было бы недостаточно для целей правоприменения: такая формула не указывает, какими процессуальными средствами обеспечивается баланс между относительностью и необходимой степенью защиты доверителя. Поэтому в статье предложено развитие позиции В. А. Клейменовой — характеристика адвокатской тайны как «квалифицированно-относительного» права, при котором принципиальная допустимость ограничений сочетается с требованием повышенных, а не стандартных процессуальных гарантий при их применении.

Примечания

1. Клейменова В. А. Гарантии и проблемы сохранения адвокатской тайны // Молодой ученый. 2025. N 47.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. N 23. Ст. 2102.
3. Никифоренко Н. С. Адвокатская тайна и гарантии ее обеспечения // Молодой ученый. 2024. N 49.
4. Кодекс профессиональной этики адвоката // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. N 2.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. N 52 (ч. 1). Ст. 4921.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 N 33-П // Российская газета. 2015. N 296.

English version

Legal nature of attorney-client confidentiality: an absolute or relative right of the client

Samoylova Dar'ya Aleksandrovna, master's student, Vyatka State University

Abstract. This article examines the legal nature of attorney-client confidentiality and addresses the question of whether it constitutes an absolute right of the client or permits certain exceptions. The relevance of the study stems from the continuing uncertainty surrounding this issue in both legal theory and practice, including in connection with investigative actions conducted against attorneys and the seizure of materials contained in attorneys' case files. The findings of the study may be used to improve legislation governing legal practice and advocacy and may also be applied in law enforcement practice.

Keywords: attorney-client confidentiality, attorney's testimonial immunity, right to defense, client, confidentiality, professional secrecy, criminal proceedings.